

УПЫРЬ 2

из Урюпинска

СВЕКРОВЬ ИЗ ТРАНСИЛЬВАНИИ

УРЮПИНСК

Милана Панова

**Упырь из Урюпинска 2.
Свекровь из Трансильвании**

«Автор»

2026

Панова М.

Упырь из Урюпинска 2. Свекровь из Трансильвании /
М. Панова — «Автор», 2026

Граф Влад Батори, вампир-вегетарианец на гречке с печёнкой, женится на лаборантке Любе. Свадьба назначена на ночь тридцатого декабря, и Влад решается пригласить мать. Графиня Эржебета, шестьсот одиннадцать лет, три мужа и одна инквизиция, приезжает в Урюпинск с гробом, сундуками и слугой. Невесту она называет дояркой и обещает обратить её в вампиршу до свадьбы. Но в зеркале у Зинаиды Петровны графиня не отражается совсем, а фикус в зале почему-то зацвёл. Следом приезжает советник Совета Ночи фон Крайт с папкой «Дело об отступничестве» и ультрафиолетовой лампой. Срок у Влада — до свадьбы: или выпить кубок крови, или сгореть. Против девятисотлетнего вампирского устава у Урюпинска есть МФЦ, участковый, баня с медовухой и учительница биологии, которая велит читать с первой страницы. Смешная и тёплая история о свекрови, которая полюбит невестку, о бюрократии, которую не победить, и о гречке, которая лечит всех.

© Панова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Приглашение	5
Глава 2. Графиня	8
Глава 3. Невеста	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Милана Панова

Упырь из Урюпинска 2. Свекровь из Трансильвании

Глава 1. Приглашение

Свадьбу назначили на тридцатое декабря. На ночь.

Дату выбирали долго. Весной у Любы окот, летом сенокос, осенью ярмарка, а в ноябре Зинаида Петровна закатывает последнюю капусту и к людям не выходит. Оставался декабрь. Тридцатое число выбрали потому, что ночь там самая длинная из всех, что ещё не совпадают с праздниками, а Владу хотелось, чтобы его свадьба длилась как можно дольше и чтобы ему не пришлось убегать с неё на рассвете, как Золушке с бала.

— ЗАГС ночью не работает, — сказала Тамара Викторовна из администрации, когда Влад пришёл к ней с вопросом.

— Я понимаю, — сказал Влад.

— У нас вообще никто ночью не работает. Кроме вас. И ещё дежурной части.

— Я понимаю.

Тамара Викторовна посмотрела на него поверх монитора. С тех пор как Влад год назад появился у неё в кабинете с распечаткой «Дальневосточного гектара», она относилась к нему с той осторожной нежностью, с какой относятся к бездомному котёнку, который однажды пришёл на крыльцо и не ушёл.

— Заведующая ЗАГСом, — сказала она медленно, — Ольга Сергеевна. Училась у Зинаиды Петровны.

— Все учились у Зинаиды Петровны, — сказал Влад.

— Все, — согласилась Тамара Викторовна. — Я позвоню.

Так вопрос с ЗАГСом решился за одиннадцать минут. С платьем — за неделю: платье Люба шила сама, из белого урюпинского пуха, и к нему фата-паутинка, связанная бабой Шурой, Валентиной Ивановной и Раисой Фёдоровной в три пары рук. С рестораном не решался никак, потому что ресторан в городе был один, назывался «Хопёр», и в нём на тридцатое уже гуляли три корпоратива. В итоге Зинаида Петровна сказала, что столы накроют в актовом зале школы номер два, где она сорок лет вела биологию, и что пусть кто-нибудь попробует ей отказать.

Никто не попробовал.

За год Влад привык к Урюпинску так, как привыкают к удобным домашним тапкам: не замечая. Он по-прежнему работал ночным фельдшером на станции переливания крови, жил в комнате с ковром, на котором олени, и ел гречку с печёнкой четыре раза в неделю. Гемоглобин у него стоял на ста сорока одном. В зеркале в прихожей он отражался целиком, включая тапки и пятно на носке, которое Зинаида Петровна всякий раз замечала первой. Летом он научился выходить на улицу в пасмурные дни. В июне сгорел на рыбалке и неделю ходил красный, как помидор, к восторгу всех соседей, которые видели в этом окончательное доказательство его человечности.

Ласло пас коз на хуторе. Год его наказания истекал в ноябре, но в ноябре Ласло сказал, что останется. Официально — потому что интернет-магазин «Урюпинская паутинка» требует присутствия. На самом деле — потому что козёл Борис Николаевич без него перестал есть. Они были неразлучны. Борис Николаевич ходил за Ласло по пятам, как собака, а Ласло читал ему по

ночам Петёфи и вычёсывал бороду гребнем из слоновой кости, который когда-то принадлежал австрийской эрцгерцогине.

Всё было хорошо. Даже слишком.

— Надо матери написать, — сказала Зинаида Петровна в первых числах ноября, за ужином.

Влад уронил ложку в гречку.

— Не надо, — сказал он.

— Надо, — сказала Зинаида Петровна. — Сын женится. Мать должна знать.

— Вы не знаете мою мать.

— Я знаю всех матерей, — спокойно возразила Зинаида Петровна. — Сорок лет родительских собраний. Нет такой матери, которой я бы не видела. Были матери-прокуроры, матери-депутаты, одна мать даже была цыганским бароном. Ничего, справлялись.

Влад достал ложку из гречки, вытер её о салфетку и долго молчал.

— Её зовут графиня Эржебета Батори-Карпати, — сказал он наконец. — Ей шестьсот одиннадцать лет. Она пережила трёх мужей, двух королей и одну инквизицию. Последняя инквизиция, кстати, её не пережила. Когда мне было двести, она прислала мне на день рождения гроб из чёрного дерева с моими инициалами и запиской «Пора бы уже остепениться». Когда мне было триста, она лишила меня содержания за то, что я пил томатный сок при гостях. Она считает, что смертные нужны для двух вещей: для ужина и для прислуги. И она не выезжала из своего замка в Карпатах с тысяча девятьсот сорок пятого года.

— Ну, значит, засиделась, — сказала Зинаида Петровна. — Пиши.

И Влад написал.

Он писал письмо три ночи. Черновики Зинаида Петровна потом нашла в мусорном ведре — двадцать шесть листов, исписанных по-венгерски, по-латыни, по-немецки и один раз по-французски. Окончательный вариант был короткий:

«Дорогая матушка. Я женюсь. Её зовут Любовь Николаевна Кротова. Она лаборантка и разводит коз. Свадьба тридцатого декабря, ночью, в Урюпинске. Если сочтёте возможным приехать, я буду счастлив. Если нет — я пойму. Ваш сын Влад. P.S. Я ем гречку».

Постскрипtum он дописал в последний момент. Зинаида Петровна сказала, что так честнее.

Письмо ушло «Почтой России», заказным, с уведомлением. В графе «Страна» Влад написал «Румыния», в графе «Адрес» — «Замок Карпати, Южные Карпаты, третья скала налево от монастыря». На почте его приняли без вопросов. Почтальонша Нина Аркадьевна, тоже бывшая ученица Зинаиды Петровны, только хмыкнула и наклеила на конверт марку с изображением снегиря.

Ответ пришёл через три недели.

Он пришёл не по почте. Он пришёл в два часа ночи, в окно Влада, заклеенное фольгой. Сначала в фольгу что-то тихо поскреблось. Потом поскреблось настойчивее. Потом фольга порвалась, и в комнату влетела летучая мышь. Большая, старая, седая на морде, с конвертом в зубах. Конверт был из чёрной бумаги и запечатан красным воском.

Барсик, спавший у Влада в ногах, подскочил на полметра и сказал что-то такое, чего Влад от него раньше не слышал.

Летучая мышь села на ковёр с оленями, повисла вниз головой и выплюнула конверт Владу на одеяло. Потом посмотрела на Барсика с высокомерием старой графской прислуги, которая видела котов и пострашнее.

— Здравствуй, Фернанд, — сказал Влад летучей мыши.

Фернанд не ответил. Фернанду было двести сорок лет, и он не разговаривал с теми, кто ест гречку.

Влад сломал печать. Внутри был один лист плотной бумаги, на котором знакомым острым почерком, похожим на ряды готических шпилей, было написано по-венгерски:

«Сын. Я приеду. Двадцатого декабря. Подготовь гроб. Э.»

Влад сидел на кровати и смотрел на эти четыре строчки, пока Фернанд не улетел обратно в дыру в фольге, а Барсик не перестал шипеть.

Утром он показал письмо Зинаиде Петровне. Зинаида Петровна надела очки, прочитала, сняла очки.

— Почерк хороший, — сказала она. — Нажим ровный. Твёрдая рука. Такие на родительских собраниях всегда в первом ряду сидят и задают вопросы про программу.

— Что мне делать? — спросил Влад.

Зинаида Петровна встала, подошла к плите и включила газ под кастрюлей.

— Гроб, значит, — сказала она задумчиво. — Гроба у меня нет. У меня есть раскладушка и диван в зале. Диван хороший, «Книжка», восемьдесят девятого года.

Она насыпала в кастрюлю гречку.

— Ничего, — сказала она. — Разберёмся. Ешь.

Глава 2. Графиня

Двадцатого декабря в Урюпинске было минус двадцать два, ветер с Хопра и такой снег, какого не помнили даже старушки с лавочки. Снег шёл весь день, крупный, медленный и настолько густой, что каменная коза на площади к вечеру превратилась в сугроб с рогами.

Поезд из Москвы опаздывал на два часа. Влад стоял на перроне станции Урюпино в семейном пальто, которое Зинаида Петровна к зиме подшила ватином, в шарфе, связанном Любой, и в ушанке, отобранной у Ласло. Рядом стояла Люба в пуховике, с термосом. Чуть поодаль, у фонаря, переминалась с ноги на ногу дежурная по станции — та самая женщина в оранжевом жилете, которая год назад сказала Владу, что до Дальнего Востока девять тысяч километров. Её звали Клавдия Ивановна, и с тех пор они здоровались.

— Боишься? — спросила Люба.

— Да, — честно сказал Влад.

— А чего? Ну приедет. Ну посмотрит. Не съест же.

Влад промолчал. Это молчание Люба запомнила надолго.

Поезд пришёл в начале двенадцатого. Он вынырнул из метели, как огромное сонное животное, тяжело вздохнул тормозами и остановился. Из третьего вагона вышли двое командировочных, бабушка с корзиной и мужчина в камуфляже. Из пятого — студентка с огромным чемоданом на колёсиках. Из седьмого не вышел никто, и Влад уже начал надеяться, что мать передумала.

Потом открылась дверь багажного вагона.

Сначала оттуда вынесли сундук. Его несли двое — проводник и какой-то сутулый старик в длинной ливрее и цилиндре. Сундук был огромный, чёрный, обитый медью, с гербом на крышке. Потом вынесли второй сундук, поменьше. Потом третий. Потом шляпную коробку. Потом длинный продолговатый ящик из чёрного дерева, в форме которого не было ничего двусмысленного.

— Это что, гроб? — шёпотом спросила Люба.

— Дорожный, — так же шёпотом ответил Влад. — У неё ещё домашний есть. И летний.

Последней из вагона вышла она.

Графиня Эржебета Батори-Карпати была невысокой, тонкой и прямой, как спица. На ней было длинное чёрное бархатное пальто с соболиным воротником, перчатки до локтей и маленькая шляпка с вуалью, из-под которой выбивались седые волосы, уложенные в причёску, бывшую модной в Вене приблизительно при Франце-Иосифе. Лицо у неё было белое, как фарфор, и такое же неподвижное. А глаза — тёмные, бездонные, с красными искрами, — оглядели перрон, метель, фонарь, Клавдию Ивановну в оранжевом жилете, Любу с термосом, и в них не отразилось ничего, кроме лёгкой, вежливой, тысячетней скуки.

Потом они остановились на Владе.

— Сын, — сказала графиня.

— Матушка, — сказал Влад и поклонился. По-старинному, низко, с прижатой к сердцу рукой.

Графиня подошла. Остановилась в шаге. Медленно сняла перчатку с правой руки и протянула ему руку для поцелуя. Влад поцеловал. Рука была холодная, как январский лёд.

— Ты загорел, — сказала графиня по-венгерски. В её голосе было столько разочарования, сколько бывает у матерей, когда сын приносит домой тройку по поведению.

— Немного, — согласился Влад. — Летом. На рыбалке.

— На рыбалке, — повторила графиня. — Батори. На рыбалке.

Она перевела взгляд на Любу. Люба, которая за свою жизнь не боялась ни пьяных механизаторов, ни козла Бориса Николаевича, ни главврача Пухова, вдруг почувствовала, что ей очень хочется поправить шапку, одёрнуть пуховик и встать по стойке смирно.

Она не поправила. Она протянула термос.

— Здравствуйте, — сказала Люба. — Я Люба. Чаю хотите? С чабрецом. Холодно.

Графиня посмотрела на термос так, как смотрят на дохлую мышь, которую принёс в зубах кот.

— Это она? — спросила она Влада, не оборачиваясь к Любе.

— Это она, — сказал Влад.

Графиня помолчала. Потом медленно, очень медленно оглядела Любу с ног до головы: валенки, пуховик, вязанные варежки, шапку с помпоном, румяные от мороза щёки. Задержалась на руках. Руки у Любы были крепкие, рабочие, с короткими ногтями и мозолью от спиц на среднем пальце.

— Доярка, — сказала графиня по-венгерски.

Влад вздрогнул. Люба венгерского не знала. Но она прекрасно знала тон, которым такие слова говорят. Женщины всех стран мира понимают этот тон без перевода.

— Чай остынет, — сказала она ровно и убрала термос.

Сутулый старик в ливрее кашлянул.

— Янош, — сказала графиня, не глядя на него. — Багаж.

Старику Яношу было на вид лет девяносто, а на самом деле — двести семьдесят. Он служил дому Батори с тех пор, как графиня выкупила его в Пеште у разорившегося барона за проигрыш в вист. Он был глух на одно ухо, слеп на один глаз и абсолютно предан. Он поднял один сундук, крикнул, поставил обратно и посмотрел на Влада единственным глазом с надеждой.

До Садовой, семь, везли на двух такси. Сундуки в одно, графиню с Яношем и гробом — в другое. Таксист Михалыч, увидев гроб, перекрестился, но гроб взял, потому что ночной тариф и потому что Михалыч тоже учился у Зинаиды Петровны, а Зинаида Петровна велела.

Зинаида Петровна ждала их в дверях.

Она надела лучшее своё платье — тёмно-синее, шерстяное, с белым кружевным воротничком, которое надевала на выпускные и на юбилей школы. Причесалась. Надушилась «Красной Москвой». На шее у неё была серая паутинка — подарок Любы, — а на ногах новые войлочные тапки.

Графиня поднялась на второй этаж. Влад с Любой шли следом. Янош с сундуком остался внизу у подъезда, вздыхая на каждой ступеньке ещё до того, как начал по ним подниматься.

Графиня остановилась перед дверью, обитой коричневым дерматином с золотыми гвоздиками. Оглядела дверь. Оглядела коврик «Добро пожаловать». Оглядела Зинаиду Петровну, маленькую, прямую, в синем платье, стоявшую по ту сторону порога.

И остановилась.

Влад знал, что будет дальше. Без приглашения мать не сможет войти. Никто из них не может. Сейчас Зинаида Петровна скажет «заходите», и всё.

Зинаида Петровна молчала.

Графиня ждала. Секунду. Пять секунд. Десять. В подъезде было тихо, только где-то внизу, на первом этаже, Янош шумно дышал над сундуком, а на третьем этаже за дверью нервная соседка Нинка прижалась ухом к замочной скважине.

— Добрый вечер, — сказала наконец графиня по-русски. С сильным акцентом, но очень правильно, как говорили в девятнадцатом веке в петербургских салонах. — Я мать Влада.

— Добрый вечер, — сказала Зинаида Петровна. — Я вижу.

И не сдвинулась с места.

Пауза затянулась до неприличия. Влад открыл рот, и Люба больно наступила ему на ногу.

— Насколько я понимаю, — продолжила графиня, и в голосе её зазвенел лёд, — по законам гостеприимства хозяйка дома должна пригласить гостя войти.

— По законам гостеприимства, — согласилась Зинаида Петровна, — гость должен поздороваться с невестой сына. Которая сейчас у вас за спиной стоит. С термосом. И чаю вам предлагала. Вы ей «здравствуйте» сказали?

Графиня медленно повернула голову и посмотрела на Влада. В её взгляде было то, что Влад видел за шестьсот лет только однажды, — когда в тысяча восемьсот пятом году Наполеон попытался поцеловать ей руку без перчатки. Удивление.

— Вы, — сказала графиня Зинаиде Петровне, — знаете, кто я?

— Знаю, — сказала Зинаида Петровна. — Вы мать. Свекровь будущая. А я сорок лет в школе проработала. И я, милая моя, никого в класс без «здравствуйте» не пускала. Ни министра образования, когда он к нам в девяносто шестом приезжал, ни губернатора. Губернатор, кстати, поздоровался.

Снизу донёсся грохот. Янош уронил сундук.

Графиня Эржебета Батори-Карпати, шестисот одиннадцати лет от роду, пережившая трёх мужей, двух королей и одну инквизицию, стояла на коврик «Добро пожаловать» в подъезде хрущёвки и смотрела на маленькую старушку в синем платье.

Потом повернулась к Любе.

— Добрый вечер, — сказала она. Сухо, коротко, через силу, как будто каждое слово стоило ей по золотой монете.

— Добрый вечер, — сказала Люба.

Зинаида Петровна посторонилась.

— Ну, заходите, раз пришли, — сказала она. — Чего на пороге стоять. Сквозняк. Тапки вон, гостевые.

Клей с порога отпустил. Графиня шагнула в прихожую. Посмотрела в зеркало.

В зеркале её не было. Совсем. Ни малейшего розового пятна, ни тени, ни контура. Пустая прихожая, вешалка, тапки. И Зинаида Петровна, которая смотрела в это пустое зеркало долгим, задумчивым учительским взглядом.

— Гемоглобин небось сорок, — сказала Зинаида Петровна тихо, ни к кому не обращаясь. — Ну, ничего. Разберёмся.

Глава 3. Невеста

Графиню поселили в зале, на диване «Книжка». Гроб занёс Ласло, вызванный с хутора по телефону, и Янош. Гроб поставили вдоль стены под сервантом, и Зинаида Петровна сразу постелила на него вязаную салфетку и поставила сверху вазочку с искусственными гвоздиками, отчего гроб стал похож на комод. Графиня посмотрела на гвоздики, но ничего не сказала. Она вообще в первую ночь почти ничего не говорила. Она смотрела.

Смотрела на ковёр с оленями. На телевизор «Самсунг», накрытый кружевной салфеткой. На хрусталь в серванте, который Зинаида Петровна доставала только на Новый год и на поминки. На фотографию в рамке: молодая Зинаида Петровна и широкоплечий прапорщик Пётр Кузьмич на фоне Чёрного моря, тысяча девятьсот семьдесят второй год, Сочи. На банки. Особенно долго — на банки.

Ласло поцеловал матери руку и сразу уехал обратно на хутор, сославшись на то, что Борис Николаевич без него нервничает. Влад знал, что нервничает не Борис Николаевич.

Утром, вернее, в девятом часу вечера, когда графиня проснулась в своём гробу под гвоздиками, её уже ждали.

На кухне сидела Люба. Одна. Влад был на смене. Зинаида Петровна ушла в магазин и вернуться не спешила, и было совершенно ясно, что ушла она нарочно.

Графиня вошла на кухню в длинном чёрном халате с вышитыми серебром летучими мышами, остановилась в дверях и посмотрела на Любу. Люба посмотрела на графиню.

— Садитесь, — сказала Люба. — Чаю?

— Я не пью чай, — ответила графиня.

— А что пьёте?

Графиня помолчала. Потом медленно, грациозно, как кошка, села на табуретку напротив, сложила руки на клеёнке в мелкую вишню и посмотрела Любе прямо в глаза.

Этот взгляд за шестьсот лет не подводил её ни разу. Им она подчиняла себе слуг, князей, епископов и одного австрийского фельдмаршала, который потом до конца жизни писал ей стихи. Под этим взглядом люди забывали своё имя, свою волю и своих детей. Под этим взглядом крестьянки сами шли в замок по горной тропе, ночью, босиком.

Глаза графини потемнели. Красные искры в них разгорелись, закрутились, превратились в два медленных водоворота. Воздух на кухне сгустился. Холодильник «Саратов» перестал урчать. Даже часы-ходики на стене, кажется, затаили маятник.

— Ты, — сказала графиня тихим, глубоким, бархатным голосом, от которого шевелились волосы. — Оставишь. Моего. Сына.

Люба моргнула.

— Чего? — сказала она.

Водовороты в глазах графини завертелись быстрее.

— Ты. Уедешь. Сегодня. И забудешь.

Люба поставила чашку на стол.

— Вы мне в глаза-то так не смотрите, — сказала она спокойно. — Ласло вон тоже смотрел. В прошлом году. Не сработало. Я на станции переливания девять лет. Ночные смены. Я в три часа ночи такие глаза видела у пьяных водителей фур, что ваши, извините, так, детский сад.

Красные водовороты в глазах графини остановились. Погасли. Холодильник «Саратов» снова заурчал. Ходики затикали.

Графиня Эржебета Батори-Карпати сидела на табуретке на шестиметровой кухне и, кажется, впервые за несколько столетий не знала, что сказать.

— Вы хотите, чтобы я его бросила, — сказала Люба. Не спросила — сказала. — Я поняла. Я не брошу. Можете дальше смотреть, мне не жалко.

Графиня молчала. Потом медленно сказала:

— Ты понимаешь, кто он?

— Понимаю. Упырь. Четыреста тринадцать лет. Пульс шестьдесят четыре, гемоглобин сто сорок один, группа крови неизвестна, анализатор не определяет. Я его год знаю.

— Ты смертная, — сказала графиня. — Ты состаришься. Через тридцать лет ты будешь старухой. Через пятьдесят тебя не будет. А он останется. Таким же. На сотни лет. Ты об этом подумала, доярка?

Люба помолчала.

— Подумала, — сказала она. — А вы об этом подумали, когда его одного в замке оставили? На четыреста лет? С томатным соком и совами?

Графиня вздрогнула. Едва заметно, одним уголком губ, но Люба заметила.

— Ты ничего не знаешь, — сказала графиня ледяным тоном.

— Может, и не знаю, — согласилась Люба. — Но он мне рассказывал. Как вы его к врачам в Вену возили. Как гроб на двухсотлетие прислали. Как содержания лишили за томатный сок. Он вас не ругал. Он вообще никого не ругает, даже Ласло. Он просто рассказывал. А я слушала.

Она встала, взяла с плиты чайник и налила себе ещё чаю.

— Он хороший, — сказала она, не оборачиваясь. — Вы его таким не сделали, он сам такой. Но он хороший. И я за него выйду. Тридцатого. Хотите — приходите. Не хотите — не надо.

Графиня поднялась с табуретки. Медленно, бесшумно, как поднимается туман над рекой.

— Ты не выйдешь за него смертной, — сказала она. — В нашем роду смертных в жёны не берут. Никогда. Ни разу за девятьсот лет. Если хочешь стать его женой — станешь одной из нас. Я сама тебя обращу. В ночь перед свадьбой. Это моё последнее слово.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.